

Бывают дни как дни: ровные по настроению, они проходят по намеченному плану.

Бывают дни, когда планы приходится менять на ходу, — что стресс, раздражение и суета.

Но бывают дни, в которые резко переворачивается вся жизнь. Казалось бы, истина банальна, — но почему-то мы никогда не готовы к таким дням.

ЧАСТЬ 1

КИС

(Пятница)

— Кис, как дела? Чем занимаешься?

— С малышкой в зоопарке, — ответил в телефон Алексей Кисанов. — А что? ... Опа, похоже, детки собрались пообщаться с тигром! Подожди, Серег, они через ограду лезут, чертенята!

Чертенята — двойняшки Лиза и Кирюша, — пыхтя и тужась, карабкались на заборчик, отделяющий сетку вольера от неразумных посетителей.

— Та-ак, — Алексей сунул мобильник в карман и ухватил обоих за шкирки, — сейчас будем повторять урок. Что я сказал, когда мы входили в зоопарк?

Он поставил детей на дорожку, присел перед ними, заглядывая в ясные глазки.

— Что... — Лизонька посмотрела на небо, — что звери тут настоящие.

Маленькая хитрюшка, она ведь отлично знает, о чем папа говорит!

— Нельзя подходить к решеткам, — честно и виновато пролепетал Кирюша.

— А вы что сделали?

— Мы к ним не подходили! — обиженно заявила дочка.

— Мы только хотели, — признался Кирюха.

— Только хотели на заборчик встать, чтобы лучше видеть! — снова лукавила Лизавета.

— Только хотели, значит? Что ж, мы уходим домой, дети. Зоопарк отменяется.

Он протянул обоим руки.

Кирюха скуксился, готовясь захныкать, а Лиза быстро спрятала ручонки в карманы васильковой летней юбочки, гордо вскинула головку и зашагала впереди папы. Охо-хо, что день грядущий нам готовит. Ей еще четырех нет! Ну и характер, ну точно в Сашку.

Сашка — это Александра, жена. И мама соответственно.

— Кис? — раздался приглушенный голос из кармана.

Упс, Серега все еще на связи, Кис про него забыл.

— Тут.

— Закончил строить мелкоту?

— Более-менее. Так что там у тебя?

— У меня нехорошая новость, Леха. Убийство и ограбление.

Кто бы сомневался. Сергей Громов служит на Петровке, 38, где когда-то служил и Алексей Кисанов, ныне трудящийся на ниве частного сыска. Они до сих пор работали совместно над многими делами, помогая друг другу раскрывать преступления, — так что новости у них всегда нехорошие.

— Это срочно, Серег? Я бы предпочел сначала отвезти малышню домой. Оттуда тебе позво...

— Срочно! — сурово перебил Громов. — Очень.
— Ладно, говори. Только покороче. Неровен час, мои шмакодявки еще чего-нибудь натворят.

— Боюсь, Леха, это твой старшой чего-то натворил.

— То есть?..

— Он отправился в деревню Рыбкино, так?

— Откуда ты знаешь?!

— Там в одном доме убийство и ограбление. А Роман снимал соседний, в областном РУВД установили. Он исчез из деревни в ту же ночь, когда случилось убийство, то есть вчера... Хотя, может, и не убийство, а похищение: трупа нет. Только следы крови. Никто не знает, куда и почему Роман смылся, но подозрения падают на него. Жертва — девушка, кто-то из деревни видел, как они общались, подробней не могу сказать. На месте преступления остались какие-то генетические следы и отпечатки. Сравнить пока не с чем, — в доме, который он снимал, отпечатков не нашли, а Роман в бегах. Но областному РУВД, которое взялось за это дело, известно, что это твой сын. Он объявлен в розыск. Они хотят с тобой связаться, Леха. Чтобы взять у тебя генетический материал для сравнения. У отца и сына есть много общего в ДНК, ты знаешь...

— Серег, я что-то не соображу никак... Такого не может быть, ты же понимаешь, что не может! Ромка не мог никого убить! И ограбить не мог!

— Лех, опомнись. Это то, что всегда говорят родственники убийц. А в полиции не забыл еще, как к подобным заверениям относятся?

Алексей промолчал. Он знал.

— Короче, Кис, вот что я предлагаю: смойся куда-нибудь, типа в командировку, чтобы потянуть с анализом. А сам ищи сына. Как найдешь — ко мне веди. Объясни, что он делает себе только хуже, ударившись в бега... И звони, если что.

Алексей с недоумением посмотрел на затихший телефон.

Что это он услышал? Что за бред? Ромка, он не мог... Нет, чушь какая-то!!!

Он с остервенением нажал на кнопки: безрезультатно. Мобильный сына был выключен.

РОМАН

(Двумя неделями ранее)

Тут пели птицы, цвели цветы. Роман не знал ни одного названия — ни растений, ни пернатых. Городской житель, он, кажется, никогда в деревне и не бывал, а теперь удивлялся. Природа здесь вела себя не робким гостем, застенчиво присевшим на краешек каменного ложа мегаполиса, — нет, здесь она была владычицей. Она царила во всем: в деревьях, травах, птицах, в сочном воздухе и даже в людях. Хорошо-то как!

...Хотя нет, он когда-то жил за городом. На даче. Это было давно, Летом.

Лето — так Роман называл свое раннее детство. Наверное, потому, что оно было солнечным. Тогда

была веселая и красивая мама и веселый добрый па... Нет, не папа. Просто маленький Роман так думал. Но это был не папа, и однажды он перестал быть добрым. Он выгнал их с мамой из дома. И тогда в жизни Романа началась Зима...¹

Он толкнул старую калитку. Она не открылась — отвалилась. В саду росло что-то невообразимое. Даже дорожка к дому с трудом угадывалась. Не сад, а прерии.

Ступени крякнули под его тяжестью. Развалятся? Нет, обошлось.

Роман вытащил из кармана связку из двух ключей. Андрюха сказал, что большой от нижнего замка, а поменьше — от верхнего... Точно. Повернулись с трудом, заржавели. В этом доме, сказал Андрюха, никто не бывал уже четыре года, с тех пор как бабулю похоронили.

Роман вошел. Здесь холодно — хоть на улице бушует май, загнав градусник под тридцать. И пахнет здесь не так, как снаружи. Сыростью пахнет, плесенью и еще чем-то нерадостным.

Андрюха сказал: дом первым делом протопить. А дрова лежат в «сараюшке».

Пока дом протапливался, Роман обследовал свое временное жилище. В нем имелись две горницы — маленькие две спальни — помимо той

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Расколотый мир», издательство «Эксмо».

большой комнаты, где находилась печь и которую Роман окрестил столовой. Он выбрал ту из горниц, что посветлее, окнами на восток: ему нравилось, когда его будило солнце. Отсыревший перьевой матрас со старой кровати со скрипучими пружинами оттащил к печи: авось к ночи просохнет. Нашел пару одеял, подушку — их тоже к печи отволок, развесил-разложил на стульях. Белье он обнаружил в рассохшемся глухом шифоньере — оно было чистым и глаженным, еще бабулей Андрюхиной, видимо. Подумав, он вынес простыни в сад, повесил на ветки дерева с нежными белыми цветами: пусть ткань воздухом пропитается.

Роман умел справляться с бытом — с бедным бытом. Он много лет жил в нем, с тех пор, как закончилось его детство-Лето, и многому научился. Тем более вышло так, что мама о нем не заботилась, это он заботился о маме...

Он сходил в местный магазин, купил сахар, соль, спички (те, что нашлись в доме, совсем отсырели, и печь пришлось разжигать зажигалкой), несколько лампочек и немного еды. Кое-что он привез с собой, так что быт вполне налаживался. Вернувшись из магазина, он перекусил, вскипятив на печке старый эмалированный чайник, затем вымыл горницу. Разложил на столе учебники. Ну вот, его «отшельническая келья» готова. Можно приступать к штудированию науки под названием «психология». Он для этого в деревню и подался, собственно.

Но безудержно хотелось выйти вон из мрачного дома — туда, в сияние мая, во владения природы, в буйство запаха и света. *Надо починить калитку*, удачно вспомнил он. И вышел в сад.

До этой самой поры своей жизни, до двадцати с малым лет, Роман занимался ремеслом рукодельным. А точнее, был он великим мастером по ремонту машин. Хотя, если вдуматься, не в руках заключался его талант, а в умении слышать механизм. Его жалобы, боли, недомогания. В силу чего он сумел стать чудо-лекарем для своих железных пациентов.

Но Роман умел и с другими вещами разговаривать: с детства привык чинить все, что есть в доме. Хромой стул и электропроводку, телефон и газовую колонку... Не на кого было маленькому Ромке полагаться — вот и научился. Так что калитке пришлось быстро уступить его умным рукам и повести себя правильно: встать на свое место.

После чего Роман решил, что заслужил небольшой перерыв, и уселся на ступеньку с банкой пива. Он не употреблял спиртного (из-за мамы, спившейся от горя...), но пиво ему не казалось алкоголем — так, чуть крепче кефира, по крайней мере, если не пить больше одной банки зараз.

Ступенька снова закричала, и Роман сказал ей: ладно, тебя тоже подправлю. Попозже.

Он сидел, жадно вдыхая необыкновенный воздух, на котором была настояна деревня, как водка на корнях, и ни о чем не думал.

Послеполуденное солнце изрядно напекло голову и лицо. Роман очнулся. С его светлой кожей он уже наверняка обгорел, черт. Пора в дом.

Неожиданно слева что-то ярко вспыхнуло. Он повернул голову. На верхнем этаже соседнего дома, здорового кирпичного особняка, распахнулось окно, отправив солнечный зайчик в его сторону.

В проеме показалась девушка. Длинные светлые волосы, хорошенькая вроде бы, насколько можно разглядеть.

Она с наслаждением потянулась, затем подставила лицо солнцу, зажмурившись.

У Романа появилось чувство, что он подсматривает. Он быстро вскочил на ноги и ушел в дом. Проходя мимо горенки, не удержался, глянул в окно: соседка все еще стояла, подняв лицо к светилу. Вот и хорошо, она его не заметила.

Роман сел за стол и открыл учебник.

Он работал в автосервисе давно, с пятнадцати лет, — работал много и с удовольствием. И доход имел от своего ремесла приличный. И вот вдруг показалось ему, что рукодельную работу он перерос, что мозгами теперь хочется поработать.

Да не так уж и «вдруг» на самом деле. Несколько лет назад Роман решил взяться за чтение женских журналов. Решение то было неспроста — если по-научному, его вполне можно назвать «маркетинговым». А проще говоря, он, будучи юношей застенчивым, легко краснеющим (что при его светлой коже немедленно становилось очевид-